

Козловский Владимир Вячеславович

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН;
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
v.kozlovskiy@socinst.ru

Браславский Руслан Геннадьевич

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
r.braslavsky@socinst.ru

**Русский цивилизационный транзит: культур социологический анализ
неоэтакратизма О. И. Шкаратана ⁷²²**

Аннотация. Один из создателей советской социологии О. И. Шкаратан в своих работах представил масштабную картину постсоветских изменений российского общества в широкой сравнительно-исторической перспективе, охватывающей как разные группы обществ, так и длительные многовековые исторические периоды. В статье эскизно дается культурсоциологическая аналитика концепции «русского цивилизационного транзита» в контексте теории российского неоэтакратизма О. И. Шкаратана. Материалы его биографии, его труды о социальной структуре, переменных и порядках современной России, сопоставленные с реальной эволюцией постсоветского российского общества, современной социальной историей позволяют обнаружить глубокие противоречия в истории отечественной социальной науки последних тридцати лет.

Ключевые слова: история российской социологии; культурсоциология; неоэтакратизм; русская цивилизация

Kozlovskiy Vladimir Vjacheslavovich

Sociological Institute of FCTAS RAS,
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation
v.kozlovskiy@socinst.ru

Braslavskiy Ruslan Gennadievich

Sociological Institute of FCTAS RAS,
Saint Petersburg, Russian Federation
r.braslavsky@socinst.ru

**Russian civilizational transition: cultural sociological analysis of
O. I. Shkaratan's neo-etacratic theory**

Abstract. One of the founders of Soviet sociology O. I. Shkaratan in his works presented a large-scale picture of the post-Soviet changes in Russian society in a broad comparative historical perspective, covering both different groups of societies and long centuries-old historical periods. The article outlines the cultural sociological analytics of the concept of

⁷²² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00950.

“Russian civilizational transit” in the context of the theory of Russian neo-etacratism by O. I. Shkaratan. The materials of his biography, his works on the social structure, changes and orders of contemporary Russian Federation, compared with the real evolution of post-Soviet Russian society, modern social history, reveal deep contradictions in the history of Russian social science of the last thirty years.

Keywords: history of Russian sociology; cultural sociology; neo-etacratism; Russian civilization

Один из создателей советской социологии Овсей Ирмович Шкаратан (10.11.1931 – 31.07.2019) в своих работах представил масштабную картину постсоветских изменений российского общества в широкой сравнительно-исторической перспективе, охватывающей как разные группы обществ, так и длительные многовековые исторические периоды. В статье эскизно дается культурсоциологическая аналитика «русского цивилизационного транзита» в контексте теории российского неэтакратизма О. И. Шкаратана. Обращение к биографии ученого, его трудам о социальной структуре, переменах и порядках современной России, с одной стороны, и сопоставление его представлений с реальной эволюцией постсоветского российского общества, современной социальной историей – с другой, позволяет обнаружить глубокие противоречия в истории отечественной социальной науки последних тридцати лет.

Социальные теории могут анализироваться с целью выявления их не только когнитивного, но и интерпретативного значения [Александр, 2013]. Понять теорию означает не только установить когерентность её логической структуры и степень соответствия её описаний и объяснений эмпирической реальности. Понимание может быть направлено на выяснение встроенности теории в смысловую структуру социального мира, конститутивным компонентом которого данная теория является. Изучение социальных теорий в этом смысле является непосредственным субстантивным исследованием самой реальности, а не подготовительным к нему метатеоретическим анализом – некой «прелюдией» к построению новой или развитию и применению существующей теории [Ритцер, 2002: 563]. Если в первом подходе теория выступает как внеположенная реальности как своему объекту, то второй подход рассматривает теорию как имманентную реальности.

В социологических объяснениях динамики современных обществ широко представлены два часто противопоставляемых друг друга подхода. В одном из них акцент делается на центральной для всей истории человечества тенденции увеличения масштабов, интенсивности, плотности и разнообразия социальных взаимодействий, сопровождающейся ростом структурной и функциональной дифференциации и приводящей на определенной стадии развития к возникновению и последующему глобальному распространению институтов и ценностей современного типа общества. Этот подход представлен теориями модернизации, конвергенции, мирового общества, глобализации. В другом подходе подчеркивается устойчивость и преемственность исторически сложившихся в разных эволюционных зонах широкомасштабных,

превосходящих, как правило, границы отдельных обществ, типов институциональных формаций или цивилизационных общностей, каждая из которых обладает особой культурной идентичностью, образом жизни, системой ценностей, набором социальных институтов и практик. Это направление представлено различными версиями теорий культурной и институциональной зависимости от траектории предшествующего развития. В данных теориях подчеркивается фундаментальное различие европейского (западного) и неевропейских (восточного) путей социальной эволюции и типов социоисторических конфигураций.

Одним из наиболее разработанных примеров применения второго подхода к российскому обществу является теория неэтакратизма О. И. Шкаратана. Представлявшая собой в начале разновидность институционального подхода, позже она была дополнена цивилизационным измерением. Теории «многолинейного институционализма» представляют собой в той или иной степени вариации на темы «азиатского» способа производства К. Маркса, патримониального господства М. Вебера и редистрибутивной экономики К. Поланьи. В центре анализа при этом подходе оказывается особая, отличная от «западной», конфигурация отношений между институтами собственности и власти и соответствующий им тип социальной стратификации. В современной российской социологии трудности постсоветской модернизации нередко объясняются принадлежностью России, её исторически сформировавшейся базовой институциональной структуры к незападной, «азиатской» линии социальной эволюции с характерными для нее феноменами «власти-собственности», «государственного» способа производства, «патримониального (вотчинного) государства», «раздаточной экономики», «коммунальной материально-технологической среды». Модель институциональной дивергенции подчеркивает существенные ограничения трансформации и модернизации российского общества. Модернизация незападных по своей институциональной конституции обществ всегда будет фрагментарной и незавершенной, не затрагивающей базовые экономические и политические институты и основания социальной стратификации. Модернизационные усилия политических элит и контрэлит не ведут к институциональной трансформации, изменению «базовой институциональной матрицы» данного общества. С начала 1990-х гг. эта концепция применительно к современному российскому обществу наиболее обстоятельно была развита в работах О. И. Шкаратана, Р. М. Нуреева, Ю. В. Латова, Ю. И. Семенова, С. Г. Кирдиной, О. Э. Бессоновой, С. А. Нефедова.

Этакратическая теория российского общества становилась предметом анализа и критики в научной литературе. В одном из объяснений российской трансформации начала 1990-х гг., выдвигаемом в противовес этакратической теории Шкаратана, причины экстренной «олигархической» приватизации усматриваются (1) в советском техническом и организационном наследии, а именно в «структуре советского хозяйственного комплекса, ядро которого составляли технологически детерминированные крупные производственные объединения», и (2) в «глобальной моде на неолиберальные рецепты решения проблем», которой оказалось подвержено

российское руководство. Коротко говоря, это сочетание двух факторов: советского наследия («организационно-технологический фактор») и приватизационного «зуда» («фактор духа времени»). В этих условиях правительственное решение о необходимости проведения срочной и масштабной приватизации трактуется как проявление «элементарной экономической логики» [Ильин, 2017: 42].

Однако такое объяснение ключевых событий российской трансформации начала 1990-х гг. не учитывает социально-политической стратегии «младореформаторов», которые стремились прочно закрепить частную собственность в социальной структуре российского общества, окончательно сломав советскую социально-экономическую систему. Именно этими стратегическими задачами была вызвана необходимость срочной и масштабной приватизации. Поэтому решение о способе проведения приватизации было результатом социально-политического, идеологического выбора. Неолиберальный поворот руководства страны не являл собой «механическую реакцию» на коллапс командной экономики. Восторжествовавшей в конечном счете неолиберальной теоретической и практической логике выдвигались альтернативы. В данном контексте уместно обратиться к биографическим перипетиям О. И. Шкаратана как «социолога во власти» [Интервью..., 2009].

Шкаратан безуспешно пытался в ранге советника Правительства РФ противостоять радикальным мерам приватизации. Он определял ситуацию, сложившуюся в России в начале 1990-х гг., как «момент бифуркации, когда были возможны различные варианты дальнейшего развития страны» [Кардозо и др., 2010: 4]. В частности, было две группы зарубежных экспертов, которые с разной степенью успешности пытались повлиять на российское правительство. Шкаратан посредничал между созданной М. Кастельсом экспертной группой крупных социологов и российским правительством. Оказавшуюся очень короткой историю российских контактов этой группы на правительственном уровне Шкаратан описал во вступлении к публикации отчета группы российскому правительству [Кардозо и др., 2010: 3–5]. В январе 1992 г. М. Кастельс предложил организовать консультации правительства России с ведущими зарубежными учеными по поводу перспектив социального и экономического развития страны. Созданная Кастельсом группа экспертов находилась в России лишь неделю – с 27 марта по 2 апреля 1992 г. В состав группы вошли еще четыре крупных ученых, активно участвовавших в экспертной работе: Ф. Э. Кардозо, А. Турен, С. Коэн, М. Карной. В период пребывания в России экспертная группа встретила и провела интенсивные дискуссии с членами Правительства Российской Федерации, в частности с представителями руководства Правительства Г. Э. Бурбулисом, Е. Т. Гайдаром, А. Н. Шохиним и другими. В качестве экспертов-исследователей и аналитиков с российской стороны выступали Ю. А. Левада, Л. Ф. Шевцова, О. И. Шкаратан и В. А. Ядов. По результатам работы международной экспертной группы был подготовлен доклад о социальных и политических проблемах экономических реформ и структурного перехода в России. Организатор и координатор группы М. Кастельс направил его руководителю аппарата Правительства РФ

А. Л. Головкову, выразив в сопроводительном письме готовность продолжить сотрудничество экспертной группы с российским правительством и даже привлечь для этого финансовую поддержку со стороны международных институтов. Предложенный группой документ являлся альтернативным по отношению к принятым тогда как основополагающие рекомендациям Международного валютного фонда и Всемирного банка. В заключение доклад содержал предупреждение против упования на возможности применения экономической теории для решения основных проблем, с которыми столкнулась Россия. Авторы доклада подчеркивали, что эти основные проблемы имеют отнюдь не экономический характер [Кардозо и др., 2010].

Выступая несколько лет тому назад с докладом на ученом совете Социологического института РАН, Овсей Ирмович вспоминал свой спор с А. Б. Чубайсом о способе проведения приватизации, о том, как не смог вовремя подобрать нужных аргументов против победившей логики «шоковой терапии», и как до сих пор переживает эту неудачу, оказавшуюся, в конечном счете, не только его личной неудачей, но и неудачей многих миллионов российских граждан.

Выдвигаемая в статье гипотеза состоит в том, что эта личная политическая неудача О. И. Шкаратана (его сознание личной ответственности за невозможность повлиять на курс развития страны) явилась мотивом для разработки неоевразийской теории постсоветского российского общества. Его научные труды, в которых он развивает эту теорию, могут быть истолкованы как продолжение полемики, своего рода интеллектуальное «сведение счетов» с политическими оппонентами, их критика и самооправдание. Эта теория имеет свою нарративную структуру, которая весьма иронично показывает, как, казалось бы, наиболее радикальная политика преобразований оборачивается крайне консервативными результатами. Но эта теория может быть истолкована и как реализация мотива самооправдания, которая заключается в том, что принципиально по-другому, в общем-то, и быть не могло, учитывая институциональную и цивилизационную природу российского общества.

Вопрос о том, в какой мере могла быть реализована та или иная альтернативная неоконсервативной модель трансформации российского общества, остается открытым. Но важны сами факты выдвижения альтернатив, которые исключают упрощенные объяснения произошедших событий и процессов, как заранее предопределенных «объективными» факторами и «элементарной логикой» осуществляющих рациональный выбор акторов. В начале 1990-х гг. произошли радикальные изменения, выразившиеся в распаде государства, смене политического режима, крушении идеологической модели, падении геополитического статуса. Но насколько глубокой и устойчивой является социокультурная и институциональная трансформация постсоветской России? Ответ О. И. Шкаратана состоит в том, что трансформация общества и государства произошла, но не затронула базовые институциональные характеристики, иными словами, «параметры» российской социетальной системы. Отношения «власть-собственность» Шкаратан рассматривает как неизменную

характеристику российского социетального типа, определяемого им как «этакратическое общество». Именно эти черты принадлежат русской цивилизации.

Известно, что один из наиболее известных и значимых подходов в анализе русской цивилизации как евразийской, а российского общества как этакратического и сословно-слоевого активно развивал как раз О. И. Шкаратан [Шкаратан, 2004; Шкаратан, 2010; Шкаратан, 2014; Нова ли новая..., 2016]. В коллективном издании «Нова ли новая Россия?» он особо подчеркивал: «Общественное устройство современной России рассматривается нами как продолжение существовавшего в СССР социально-экономического порядка, исторические корни которого уходят в многовековое прошлое страны – носительницы евразийской православной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества, и которая существенно отличается от европейской (атлантической) по институциональной структуре и ценностно-нормативной системе» [Нова ли новая..., 2016: 74]. Такое понимание «евразийской/русской цивилизации, которая с XIII в. воспроизводила в своем движении постоянное возвращение к вековым традициям» [Нова ли новая..., 2016: 115], безусловно, логично и обосновано массой исторических примеров и сопоставлений. В нем заключаются эвристический потенциал и способность дать реальную оценку историческому прошлому.

Тем не менее данная концепция этакратического характера евразийски ориентированной русской цивилизации оказывается в плену представлений о социально-структурных атрибутах весьма далекого прошлого. Она настраивает на поиск некоего набора реликтовых следов досоветского и советского периодов в сложном устройстве современного российского общества и на их трансформацию в совершенно новых социально-экономических, политических условиях и радикально изменившемся культурном контексте. В этом видятся эвристическая уязвимость и слабость данного подхода. При этом дается во многом верное описание социального и политического устройства современной России как этакратического и сословного. Однако такой подход оставляет без внимания автономию и ресурсный потенциал культуры разных поколений и социально активных групп населения, их способность создавать новые формальные и неформальные институты для решения жизненно важных текущих проблем разного уровня, конструировать планы и осуществлять свои жизненные пути. Иными словами, в социоструктурно – и институционально-ориентированной концепции российского общества вне рассмотрения оказываются живые индивидуальные и коллективные практики формирования, воспроизводства и обновления проектов личной, частной и публичной модерности.

В самом способе радикальных изменений постсоветской России также можно обнаружить определенные черты исторической преемственности. Экономико-центристская квазинаучная идеология, в которой место все-определяющего способа производства занял все-устраивающий рынок, сохранила свое доминирующее положение в социально-политическом дискурсе. При всей противоположности

экономических парадигм экономическое воображаемое по-прежнему доминировало, выступая объединяющей основой противоположных точек зрения и тем самым радикализируя конфликт. При этом стратегическое поведение новой правящей элиты определялось не всецело экономической целесообразностью, а прежде всего социально-политической логикой, находящейся в явном осознаваемом самими акторами противоречии с экономической целесообразностью текущей ситуации. Радикальная социальная трансформация рассматривалась в качестве главной и ближайшей стратегической цели деятельности, ради которой можно не считаться с экономическими и социальными потерями. Экономическая целесообразность принимаемых решений преследовалась и оценивалась в рамках, заданных выбранной идеологической моделью и стратегической перспективой.

Неолиберализм определил радикальный разрыв с плановой социалистической экономикой, но не с экономико-центристской парадигмой. Следствием этого является упадок социологии и в особенности её практического влияния на социальную жизнь. В столкновении двух проектов социетальных преобразований в России социология потерпела поражение перед экономической наукой. Причем это столкновение научных дисциплин носило не внутривосточный, а транснациональный масштаб. И со стороны экономической науки, и со стороны социологии участвовали транснациональные команды, представленные ведущими учеными с мировым именем. Победила модель, опиравшаяся на неолиберально-экономический дискурс.

Российское общество до сих пор существует в параметрах, сформированных неолиберально-капиталистической радикальной трансформацией начала 1990-х гг., к важнейшим из которых относится государственно-олигархический капитализм, который следует рассматривать не как монолитную, в высшей степени когерентную систему, а как социальную фигурацию с изменяющимся балансом власти. Если в 1990-е гг. баланс власти был в значительной степени смещен в сторону олигархических групп, то в 2000-е гг. государство увеличило возможности своего контроля. С точки зрения фигурационного подхода, предложенного Н. Элиасом [Elias, 1978], могут найти применение и согласование как разработанная О. И. Шкарлатаном «этакратическая», так и предложенная В. Э. Шляпентохом «феодалная» модели постсоветского российского общества [Шляпентох, 2008]. Эти модели описывают разные состояния социальной фигурации, в которой ведущими акторами являются государственные структуры и олигархические группы, составляющие между собой различные коалиции, при отсутствии автономии конкурентной частнособственнической экономики и гражданского общества.

Эволюция ученого О. И. Шкарлатана в постсоветский период имела множество пересечений с реальной историей российского государства, которую он принципиально увязывал с трансформацией этакратизма советского типа. В интервью для «Журнала социологии и социальной антропологии» на вопрос «Какие же результаты были Вами получены?» он отвечал: «Оказалось, что к 1994 году в значительной степени не были преодолены так называемые отношения власти–

собственности. Черты этакратизма (стейтизма) во многом определяли характер социальных различий в общества, его возросшую неоднородность, возросшее неравенство. Однако в то время я еще не отделался от иллюзий, что мы можем стать обществом либерально-демократического типа с органичным сочетанием разных форм собственности, но с доминированием при этом частной собственности, что мы можем стать обществом с преобладанием среднего класса, образующего две трети населения, социальной защищенностью низов и т.д.» [Интервью... 2009: 36]. Очевидно, что признание ученого о преодолеваемых иллюзиях по поводу трансформации современного российского общества было своего рода отказом от ряда принципиальных постулатов теории транзита. Теоретически это потребовало новых доводов неэтакратического характера, которые О. И. Шкаратан развивал в своих работах 2010-х годов, соединяя институциональный анализ с цивилизационным подходом [Россия как цивилизация, 2015].

Библиографический список

Александр Дж. Модерн, анти-, пост-, и нео-: как интеллектуалы объясняют «наше время» // Александр Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. С. 505–600.

Ильин В. И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии // Мир России. 2017. Т. 26. № 4. С. 30–50. DOI: 10.17323/1811–038X-2017–26–4–30–50

Интервью с профессором Овсеем Ирмовичем Шкаратаном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII. № 3. С. 5–42.

Кардозо Ф., Карной М., Кастельс М., Коэн С., Турен А. Отчет российскому правительству от международной группы советников по социальным и политическим проблемам экономических реформ и структурных преобразований в России // Мир России. 2010. Т. 19. № 2. С. 3–18.

Нова ли новая Россия? / Под ред. О. И. Шкаратана, Г. А. Ястребова. М.: Университетская книга, 2016. 400 с. ISBN 978–5–98699–202–0.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. М.: Питер, 2002. 688 с. ISBN 5–318–00687–6.

Россия как цивилизация: материалы к размышлению / Под общ. ред. О. И. Шкаратана, В. Н. Лексина, Г. А. Ястребова. М.: Редакция журнала «Мир России», 2015. 466 с. ISBN 978–5–905999–40–6.

Шкаратан О. И. Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита-пресс, 2004. 208 с. ISBN 5–7755–0640–5.

Шкаратан О. И. Системы цивилизаций и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. 2010. Т. 19. № 3. С. 23–45.

Шкаратан О. И. Евразийский вектор русского цивилизационного транзита // Общественные науки и современность. 2014. № 3. С. 73–83.

Шляпентох В. Э. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008. 328 с. ISBN 978–5–98132–137–5.

Elias N. What is Sociology? New York: Columbia University Press, 1978. 187 p. ISBN 0–231–04550–6.